
Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ*

***Наталья Михайловна Плискевич** – старший научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия, znplis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0860-6229>

Цитирование: Плискевич Н.М. (2022) Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации // Мир России. Т. 31. № 3. С. 33–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53

Аннотация

Начавшийся переход к качественно новому этапу научно-технической революции требует и соответствующего этому этапу сложного человека, причем в масштабах, выходящих за рамки собственно «креативного класса», поскольку последний может жить и успешно творить в не враждебной ему социальной среде. Это вновь поднимает вопрос о необходимости глубокой модернизации, органически включающей в себя социокультурный и гуманитарный компоненты. Решение этого вопроса упирается в необходимость объединения позиций ученых, исследующих проблемы модернизации как с институциональных, так и с ценностных позиций. В статье предлагается подход к комплексной оценке степени модернизации отдельных стран на основе анализа достаточно большого количества альтернативных вариантов оценки наличных институтов и совокупности ценностных предпочтений. В качестве таких альтернатив могут быть предложены, например, такие пары, как «правовая система – обычай, основанный на праве сильного», «демократия – диктатура», «частная собственность – государственная собственность», «индивидуализм – патернализм», «доверие – недоверие» и другие. Оценка результирующей величины воздействия каждой из альтернатив, существующих в обществе, может быть представлена в виде вектора, величина и направление которого отражают данные о величине и направлении господствующей в обществе тенденции. Сами векторы могут быть помещены в систему координат, где вертикаль отражает состояние институциональной структуры, а горизонталь – ценностной. В такой системе координат образуются четыре квадранта, два из которых соответствуют двум противоположным состояниям общества – порядкам ограниченного доступа (в другой терминологии – системе «власть-собственность») и порядкам открытого доступа (частнособственническо-рыночной демократической системе). Два других квадранта отражают ситуации возможности мутации одной системы в другую, в которые попадают страны при кризисе их ценностной и институциональной структур, свидетельствуют о шансах на переход из одной систе-

Статья поступила в редакцию в марте 2021 г.

мы в другую. То есть предлагается вариант оценки возможностей такого перехода на основе сопоставительного анализа значительного количества альтернативных вариантов ценностей и институтов и эволюции во времени данных альтернатив, выражающейся в изменении и размеров векторов, и их направления, смещении общей равнодействующей системы от одного полюса к другому. При этом возможны как модернизационные, так и контрмодернизационные тенденции.

Ключевые слова: модернизация, контрмодернизация, ценности, институты, человеческий потенциал, порядки ограниченного доступа, порядки открытого доступа, альтернативы институционального выбора, альтернативы ценностного выбора, «власть-собственность»

В настоящее время стало вполне очевидным, что человечество вступило в новый этап научно-технического развития. Хотя пока лишь проступают черты нового постиндустриального, цифрового общества, но уже становится ясно, что нас ждут его быстрые и во многом сегодня даже непредсказуемые изменения. Несомненно также и то, что такое общество может строить более сложный (причем массовый) человек, основные ценности которого должны гармонично соответствовать идущим в обществе технологическим переменам. Он должен осознавать и предвидеть не только положительные, но и отрицательные последствия изменений и заранее искать пути нейтрализации последних. Равно как и институциональная структура такого общества, если мы предполагаем возможность его быстрого поступательного развития, причем не вступающего в противоречие с теми ограничениями, которые ставят экологические и иные преграды его существованию, должна соответствовать новым вызовам, не тормозить объективный технологический прогресс или использовать его в интересах узкого круга лиц, но открывать новые возможности для развития сложного человека, делать такое развитие объективной потребностью массы людей.

Можно вполне обоснованно предположить, что наибольших успехов в продвижении по вновь открывшимся путям развития достигнут те государства, в которых удастся создать наиболее благоприятные условия для развития сложного человека. Причем речь здесь должна идти о качестве не только элиты (и научной, и культурной, и политической, и экономической, и административной), но и о поднятии общего уровня социокультурного развития широкого большинства, способного если и не вливаться непосредственно в «креативный класс», то вполне качественно отвечать на исходящие из него импульсы и в целом создавать комфортную для его передовых представителей среду. В противном случае неизбежна так называемая утечка мозгов (что и происходит в современной России), а в такой ситуации страна не сможет соответствовать потребностям новой научно-технической революции. Задачу реальной оценки перспектив того или иного общества на модернизационном пути вряд ли можно решить без объединения итогов изысканий исследователей как институциональных, так и ценностных аспектов процесса. В статье предлагается подход к комплексной оценке степени модернизации отдельных стран на основе анализа достаточно большого количества альтернативных вариантов оценки наличных институтов и совокупности ценностных предпочтений.

Человек в модернизирующемся обществе

Новый этап научно-технической революции не может быть успешным без перехода не только элитных групп, «креативного класса», но и более широких массовых слоев к новому уровню развития, к социокультурной сложности, соответствующей потребностям научно-технических изменений. Не случайно, скажем, ее индустриальному этапу соответствовали процессы, названные в 1930-е гг. в нашей стране «культурной революцией». Новый этап развития требует новой культурной революции, способной вырастить не просто специалиста в какой-либо сфере, а сложного человека, обладающего глубокими общекультурными и гуманитарными знаниями, умеющим ими оперировать, с широким комплексом интересов, не ограничивающихся набором, навязываемым ему обществом потребления. Вспомним, что Д. Норт лишь на пороге новых изменений отмечал: «Специализированные знания представляют высокую ценность лишь в том случае, когда их можно интегрировать с вспомогательными знаниями ценой минимальных затрат. Взаимосвязи, необходимые для общения разрозненных знаний, по сути, влекут за собой намного большее, помимо эффективной системы цен, хотя те являются необходимой предпосылкой» [Норт 2010, с. 173].

Такой взгляд на современное развитие обуславливает и подход к самому определению понятия «модернизация». Как известно, его трактовки весьма многообразны и нередко ограничиваются инструментальными требованиями, соответствующими новыми научно-техническими реалиями, построением системы институтов, которые направлены на поддержание такого развития. Однако подобный подход к модернизационным процессам не учитывает тот факт, что все эти изменения происходят в обществе, состоящем из людей с присущими им ценностными представлениями, уровнем культуры, способностью воспринимать новую научно-техническую реальность, не искажая ее сущности. Поэтому определение модернизационного развития должно включать в себя не только инструментальные и институциональные компоненты, но и ценностные компоненты, предполагающие создание в обществе критической массы их носителей (хотя бы активного меньшинства, способного вести за собой менее развитые слои общества).

Конечно, любое общество состоит из людей разного уровня культуры, приверженцев разных наборов ценностей. Это, в частности, отмечают и исследователи результатов Европейского социального исследования, выделяющие ряд типов ценностных ориентаций, но акцентирующих внимание на их соотношении и фиксирующих определенные ценностные предпочтения как в развитых обществах, так и там, где неудачи развития сочетаются с набором ценностей, мешающих модернизационным прорывам (см., например, [Магун, Руднев 2010; Магун, Руднев 2021]).

И проблема вступления развивающегося общества на путь подлинно модернизационных преобразований связана не только с появившимся там стремлением элит перейти на этот путь, но и повести за собой все общество, создавая условия для развития и закрепления новых ценностных ориентаций. Не менее важна готовность откликнуться на предложенные ему изменения, но не сопротивление им, вплоть до революционных всплесков. Причем результатом таких

всплесков могут быть отнюдь не прорывы к более совершенной институциональной организации общества, а, напротив, приведение к власти контрэлиты, отверженной привычным для большинства старым ценностям и опирающимся на них институтам. Не случайно в последнее время получило распространение рассмотрение идей Д. Норта и его коллег с позиций анализа того, как в странах, либо преодолевших порог перехода к порядкам открытого доступа, либо находящихся на этом пути, происходит эволюция порядков ограниченного доступа (см. [Яковлев 2020]). Страновой анализ свидетельствует, что успехи на модернизационном пути обуславливаются не только действиями элит, но и давлением на них всего общества, которое в ходе эволюционного развития постепенно меняет свои запросы, ценностные представления. Не редки случаи оказания обществом давления на элиты, побуждающего их менять сложившиеся веками институты и создавать новые, размывающие устои порядков ограниченного доступа.

В современной же ситуации резкого изменения технологий, цифровизации и производственной, и повседневной жизни чрезвычайно важно и включение в общий контекст модернизационных преобразований задачи формирования человека, способного ориентироваться в комплексе качественно новых проблем, т. е. создать условия перехода от человека индустриальной экономики к человеку экономики постиндустриализма. Для этого человека значительную роль играет моральный аспект его деятельности. Кроме того, он должен стать достойным партнером входящего в нашу жизнь искусственного интеллекта, опираясь на развитые качества, присущие именно человеческому интеллекту – интуиции, способности к образному мышлению, оригинальным, не просчитываемым механически озарениям и иным качествам, развитию которых способствует, в частности, система широкого общегуманитарного знания, включающего постижение как классических, так и современных образцов искусства. Иными словами, качественно новому уровню развития технологий и соответствующих им форм общественного устройства должен соответствовать и новый человек.

Уже сегодня необходимость такого человека все явственнее ощущается в экономике, в системе управления в целом, требующих для своего познания и функционирования адекватных новой сложности субъектов. «Важность сложного человека в современной экономике состоит в том, что именно он на основе глубокого анализа, поиска оригинальных подходов к решению поставленных задач, сложных расчетов и интуитивных озарений в результате может найти *простые (не примитивные)* решения возникающих проблем. Решения, которые учитывают сложность взаимосвязей в многоуровневой находящейся в постоянном движении экономической системы» [Маевский, Кирдина-Чэндлер, Дерябина 2018, с. 272].

Институты и ценности: два взгляда на проблему

То есть, говоря о модернизации, нельзя ограничиваться темой достижения элитами отмеченного Д. Нортом и его коллегами условий перехода к новым порядкам, к строительству новой системы институтов открытого доступа [Норт, Уоллис,

Вайнгаст 2011, с. 76]¹. Важно, чтобы и в широких массах вызревала потребность в таком движении. С одной стороны, достаточно устойчивая массовая поддержка проводимых элитами модернизационных преобразований создает устойчивость в обществе на трудном этапе реформ, рождает необходимый для них общий консенсус, доверие как «низов» к «верхам», так и «верхов» к «низам». В случае же, когда «сложившаяся элита по сути своей не стала авангардом общества, запаздывает в своем развитии, не улавливает уже возникших новых потребностей, не желает поступиться собственными привилегиями и корыстными интересами, общество может оказать на нее давление “снизу”, вынудить элиты, либо находящиеся у власти, либо те, что готовы перехватить властные рычаги в результате революционного переворота, принять “пороговые условия”, необходимые для перехода к порядкам открытого доступа» [Плискевич 2013, с. 45].

В целом же важно, чтобы стремление к преобразованию порядков ограниченного доступа получило в обществе (как минимум в активной его части), включая элиты, устойчивую поддержку. А такая поддержка оказывается возможной, если в предшествующий период под влиянием тех или иных событий у людей постепенно складывались новые ценностные ориентации, благодаря которым новые институты, содействующие модернизации, не только создаются, но и получают свой ценностный фундамент.

Иначе говоря, необходимым элементом успешной модернизации выступает органическое единство поддерживающих этот процесс как вновь формирующейся институциональной системой, так и соответствующей ей системой ценностей. Между тем эти два компонента, как правило, исследуются отдельно один от другого. Правда, и наиболее известные представители институциональной теории, и исследователи ценностных ориентаций, господствующих в различных обществах, обычно ограничиваются констатацией такой связи. При этом, однако, они нередко стремятся подчеркнуть приоритет своего исследовательского направления, даже находя способы включения в него «конкурирующего» компонента. Так, Д. Норт подчеркивал важность сочетания и человеческих (ценностных), и институциональных аспектов модернизации; он даже включал в характеристику человеческого капитала институты, создаваемые на основе убеждений. С его точки зрения, институциональный каркас общества состоит и из политической структуры, и из структуры прав собственности, определяющей экономические стимулы, а также «<...> социальной структуры, т. е. норм и конвенций, которые определяют неформальные стимулы в экономике. Институциональная структура отражает убеждения, оформившиеся в обществе в ходе истории, а изменения

¹ Далее в анализе будет использовано предложенное Д. Нормом, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом выделение двух типов обществ – порядков ограниченного доступа и порядков открытого (свободного) доступа. Первые характеризуются господством социальных отношений, основанных на социальной иерархии, важности личных связей, включенности в господствующие кланы и связанных с этим статусом привилегиями. От включенности в такие кланы зависит и степень защищенности прав личности, в первую очередь прав собственности (этим порядком соответствует, по сути, характеристика соответствующих сообществ как обществ с господством системы «власти – собственности»). Переход к порядкам открытого доступа означает замену иерархически организованных отношений безличными социальными отношениями, строящимися на основе закона, равно применимого для всех, вне зависимости от статуса той или иной личности. Это предполагает верховенство права в социальных отношениях, прежде всего защиту прав собственности каждого, что должно обеспечивать государство с его независимой судебной системой как верховный арбитр. Господство таких отношений, с одной стороны, обеспечивает защиту прав индивида вне зависимости от его социального положения, а с другой – открывает для него свободу проявления инициативы в рамках, установленных в обществе формальных и неформальных правил.

в институциональном каркасе, как правило, представляют собой постепенный процесс, отражающий ограничения, которые прошлое накладывает на настоящее и будущее. <...> Все это <...> задает структуру, возводимую людьми для того, чтобы иметь дело с социальным ландшафтом» [Норт 2010, с. 79]. То есть для Д. Норта работа представителей другого направления исследований (ценностей и предпочтений) признается как важнейший компонент складывания эволюции институциональной структуры того или иного общества.

В то же время виднейшие исследователи ценностных особенностей, специфичных для различных обществ, также отмечают их связь с институциональной структурой этих обществ, при этом роль ценностных ориентаций выдвигается ими на первый план. Так, К. Вельцель вступает в прямую полемику и с Д. Нормом и его коллегами, и с Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсоном, и с Ф. Фукуямой. В связи с их работами К. Вельцель отмечает: «Это, безусловно, интересные размышления, однако ориентация на институциональные аспекты цивилизации – это, скорее, фокусирование внимания на симптомах. Такой подход отвлекает нас от ключевой темы – духа законов. Главная характеристика нового типа общества – это его дух» [Вельцель 2017, с. 365–366]. А Р. Инглхарт подчеркивает, что модернизационные преобразования – сложный процесс, и экономическое развитие само по себе не приводит к демократии. «Это происходит только в комбинации с определенными культурными и институциональными факторами». Причем для того, чтобы понять, почему модернизация оказалась успешной в одних странах и провалилась в других, хотя и там и там, согласно Всемирному и Европейскому исследованию, имеются аналогичные культурные и институциональные факторы, «недостаточно фокусироваться только на элитах (что присуще и Д. Норму с коллегами, и Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсону – прим. автора) – важно изучать процессы, происходящие на уровне масс» [Инглхарт 2018, с. 193, 195]. Вывод исследователей ценностной структуры общества, касающихся отношений ценностей и институтов, хорошо иллюстрируют слова К. Вельцеля: «<...> институты, гарантирующие всеобщие свободы, завершают процесс человеческой эмансипации, но не инициируют его. Это важно отметить потому, что данный результат противоречит все более популярной точке зрения, считающей “инклюзивные институты” главной причиной развития» [Вельцель 2017, с. 189]².

Все эти положения подводят к выводу, что модернизация – сложный процесс, не вписывающийся в рамки ни чисто институциональной теории, ни исследований эволюции ценностей того или иного общества, особенно стремящегося к выходу на этот трудный путь. Причем важно не просто исследование ценностных ориентаций масс и элит, а прослеживание связей между этими двумя группами носителей ценностей. Для успешности модернизационных преобразований существенно, чтобы ориентации и элит, и масс находились в состоянии

² К этому тезису критики К. Вельцелем известной теории экстрактивных/инклюзивных институтов Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсона уместно было бы добавить, что описываемый ими парадокс советской индустриализации с ее темпами, но опирающейся на экстрактивные институты, не учитывает именно ценностный компонент, складывавшийся в дореволюционный период в российском обществе (пусть и в достаточно узкой его прослойке). Именно носители этих ценностей, несмотря на все перенесенные ими потери и испытания, сыграли на деле решающую роль в быстрой индустриализации страны. Тут мы имеем дело не просто с экстрактивными институтами, но с этими институтами, сочетающимися с человеческим потенциалом людей, воспитанных в дореволюционную эпоху формирования ценностей, соответствующих инклюзивным институтам (см. [Балацкий, Плискевич 2017]).

резонанса. Элиты улавливали бы модернизационные импульсы, возникающие в тех или иных общественных группах, развивали бы их и, пользуясь своими возможностями лидеров общества, формировали на основе полученных импульсов, выношенных ими самими потребностей новые формальные или неформальные институты, продвигающие общество к порядкам открытого доступа и, соответственно, постепенно разлагали институты, характерные для порядков ограниченного доступа.

Это соответствие движения к модернизации значительной массы населения, с одной стороны, и элит – с другой – особенно важно в ситуации, когда общество уже не раз переживало срывы модернизации. К таковым относится и Россия. Здесь стоит вспомнить А. Ахиезера, который полагал, что для нашей страны выход из порочного круга модернизационных срывов лежит на пути развитого утилитаризма, который определялся им как нравственный идеал, «<...> характеризующийся осознанием ценностей поиска необходимых средств для достижения сложившихся целей, стремлением превращать любые элементы окружающего мира в бесконечный набор реальных и потенциальных средств» [Ахиезер 1998, с. 520]. Развитой же утилитаризм характеризуется переходом от поиска средств, дающих не меньший эффект, чем утраченные средства, к поискам «<...> все более эффективных средств, осознанием связи роста благ и личных усилий по их добыванию, производству». Будучи ориентированным на прогресс, он «<...> требует развития личности, повышения ею ценности своего Я», а следовательно, «<...> выступает как возрастающая по своей значимости пружина социальных изменений, сила, вынуждающая формировать новые средства» [Ахиезер 1998, с. 522]. В таком качестве развитой утилитаризм «<...> готовит почву для либерализма с его растущей оценкой духовных ценностей, идеалов свободы, саморазвития, законности, диалога и т. д.» [Ахиезер 1998, с. 522].

Элиты и массы в условиях модернизации

Представляется, что, для того чтобы развитой утилитаризм как явление обрел массовые масштабы в обществе, переходящем от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа, важнейшую роль должна сыграть позиция элит. Не случайно именно на этом делают акцент Д. Норт и его коллеги. В то же время исследователи неоднократно фиксировали пробуксовку, затухание и даже регресс начавшихся процессов модернизации. И в существенном числе случаев это оказывалось связанным отнюдь не с непреодоленными социокультурными барьерами, а с тем, что возглавившие преобразования элитные группы (или наиболее сильные из них) оказывались перед выбором: продолжать реформы или законсервировать их на наиболее выгодном для них этапе.

Не случайно и отечественные, и зарубежные исследователи отмечали негативную роль в развитии событий так называемых промежуточных выгодоприобретателей [Hellman 1998]. Они, в отличие от массовых слоев, нередко потерявших от реформ, оказываются гораздо более серьезным тормозом для их развития, ибо обладают всеми рычагами власти (включая законодательные и силовые), позволяющими на достаточно длительное время законсервировать преобразования в выгодной

для них точке, чтобы «<...> поддерживать свои позиции и получать различные виды ренты как от государства, так и от общества» [Бусыгина, Филипов 2012, с. 39]. При этом с позиций развития общества в сторону модернизационных ценностей важно отметить, что такое поведение элит создает среду, в которой рациональным поведением для большинства становится консервация норм, выгодных именно этой группе элит, к тому же дающее в ее руки дополнительные рычаги для манипуляции массами. И это происходит в ситуации перехода как ценностного, так и институционального, требующего создания условий для развития и укрепления новых ценностей, равно как и качественной работы новых институтов, а не их имитации. Но для масс все процессы оказываются заторможенными или даже заблокированными. Поэтому столь важный ценностный компонент модернизационного общества, как свобода, воспринимается ими в искаженной форме с неизбежно следующими отсюда последствиями. В частности, Н.Е. Тихонова подчеркивает, что в такой ситуации, которая сложилась в России уже в 2000-х гг., «<...> свобода для россиян – это все еще, прежде всего, “свобода от” (то есть от общества, начальства, требований социума и т. п. В отличие от принятой в модернизированных обществах “свободы для” – возможности защищать свои интересы в рамках предусмотренных законом прав и свобод – прим. автора), то и многие инструментальные ценности демократии для них сравнительно неважны. Ключевые признаки демократии в их глазах – равенство всех граждан перед законом (53%), независимость суда (43%), свобода печати (43%), свободные выборы власти (40%) и возможность свободно высказывать свои политические взгляды (36%). Что касается многопартийности, наличия оппозиции и других элементов демократии как ее основных признаков, то в 2010 г. их называли менее 20% опрошенных» [Клямкин 2011, с. 312].

Можно согласиться с Д. Нортон и его коллегами, полемизировавшими с Д. Аджемоглу (Асеомглу) и Дж. Робинсоном, которые упрекали их в сосредоточенности на элитах и пренебрежении массовыми движениями. В ответ на такие упреки указывалось, что пришедшие в результате восстания масс новые элиты в ценностном отношении отражают настроения приведших их к власти масс, а потому ограничение анализа элитными группами вполне оправдано [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011, с. 408–410]³. В ценностном и особенно институциональном развитии общества многое зависит от элит. И все же нельзя сбрасывать со счетов ситуации, когда доля членов общества – носителей более прогрессивных ценностей в массах – начинает превышать такую же долю в элитах. Это создает особую напряженность, давление «низов» на «верхи». И важно, чтобы «верхи» вовремя осознали опасность (прежде всего для себя) такого давления и сами делали модернизационные шаги. Сначала по размыванию порядков ограниченного доступа, а затем (или параллельно) – по формированию порядков открытого доступа (или, в другой терминологии, переходу от системы «власти-собственности» к частнособственническо-рыночной и демократической системе). Либо, если формально соответствующие институты уже были созданы, но деформированы прежде всего благодаря деятельности «промежуточных выгодоприобретателей», начать работу по возвращению к институтам (в первую очередь судебным и в целом демократическим) их исконного содержания.

³ Замечу, что в своей известной книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные» сами Д. Аджемоглу (Асеомглу) и Дж. Робинсон в своем анализе также концентрируются на поведении именно элит.

Институционально-ценностная картина развития: попытка визуализации

В такой ситуации представляется важным создать визуальную, объединяющую и институциональную, и ценностную картину модернизационного (и контрмодернизационного) развития. Особенно если учитывать, что оба эти мотива тесно переплетены и взаимосвязаны. И если исследователи ценностей, как было отмечено выше, убеждены, что именно за их изменением следует трансформация институтов, то нельзя исключать и ситуаций, когда прогрессивно настроенные элиты вводят в жизнь страны институты, благодаря функционированию которых и в самих массах происходит процесс укоренения модернизационных ценностей. Хотя более известны ситуации, при которых антимодернизационно настроенные элиты укрепляют соответствующие их представлениям (или же просто их выгоде) институты и стимулируют в обществе укрепление антимодернизационных ценностей.

Подобные ситуации, их разнообразие диктуют необходимость для каждой страны поиска объединения в одной картине существующих в обществе разнообразных, нередко противоположных, тенденций и в институциональном, и в ценностном аспектах. И если, например, одна обобщенная картина позволила бы представить ситуацию в некий момент времени, то динамику развития может отразить сравнение таких картин, соответствующих разным периодам. То есть динамику развития представляет совокупность разновременных построений, сравнение которых позволяет увидеть направление социальных изменений. Такая совокупность отмеченных тенденций может либо указывать на устойчивость ситуации, либо свидетельствовать о возможности мутации порядков ограниченного доступа в порядке открытого доступа (или наоборот).

Разумеется, как всякая схема, такая конструкция не может не носить достаточно приблизительного характера. Однако уровень приблизительности может сокращаться с внесением в схему большего числа данных, отражающих противоположные тенденции в развитии и ценностных, и институциональных компонентов жизни общества. Сам факт наличия в любом обществе таких противоположных тенденций делает возможным изображение каждой из альтернатив в виде вектора, направление и величина которого будут обозначать направление и величину (как разность между величинами противоположных полюсов) результирующей, господствующей в данный момент тенденции. Векторы же эти можно разместить в системе координат, где вертикаль от монополии до конкуренции позволяет фиксировать изменения в институциональной структуре, а горизонталь (от либеральных до традиционных ценностей) отмечает изменения в ценностной структуре рассматриваемого общества. При этом в расчете направления векторов следует учитывать и институциональные (через оценку их качества населением), и ценностные компоненты, хотя в каждом из них будет преобладать та или иная линия. Таким образом, можно будет разрешить спор между представителями институционального и ценностного направлений исследований, так как в предложенной модели и ценности, и институты коррелируют между собой.

Число векторов, помещенных в предложенную систему координат, может быть достаточно большим. И чем их будет больше, тем точнее можно будет рассчитать положение результирующего вектора. Одни из них в большей степени ориентированы

на состояние институциональной системы, другие – на специфику ценностных предпочтений. Возможность их сочетания обусловлена тем, что векторы институциональной системы несут в себе данные об оценке ее состояния гражданами и их настроая либо на отрицание *status quo*, либо на подчинение сложившимся обстоятельствам.

Следует выделить векторы, отражающие такие важные альтернативы общественной системы, как «правовая система – обычай, основанный на праве сильного», «диктатура – демократия», «распределение – обмен», «государственная собственность – частная собственность», «патернализм – индивидуализм», «доверие – недоверие» и др. Возможно также использование оппозиций, применяемых во многих социологических исследованиях, например, таких оппозиций Р. Инглхарта и К. Вельцеля, как «выживание – самовыражение» и др. В данном случае эти оппозиции будут развернуты не в системе координат, нацеленной на межстрановое сравнение, а выражены в форме вектора, фиксирующего предпочтения в какой-либо определенной стране того или иного полюса.

Для оценки величины каждого из векторов целесообразно использовать и объективные оценки состояния соответствующих институтов, и желание не только элит, но и масс следовать формально диктуемым ими правилам, и ценностные представления населения о соответствии реального состояния институтов как существующей практике их применения, так и желаниям самого населения поддерживать формально установленные нормы либо обходить их, достигать своих целей на пути нарушения закона или на грани, за которой следует это нарушение. Скажем, реально существует альтернатива выбора, соответствующая склонности одной из двух институциональных систем – «правовая система – обычай, основанный на праве сильного». Величину и направление данного вектора – равнодействующего этих противоположных тенденций можно определить по комплексу компонентов: 1) состояние самой правовой системы; 2) состояние правоприменительной практики; 3) факторы вторжения власть имущих в решение правовых вопросов; 4) отношение элит и населения к сложившейся практике; 5) представления населения о том, насколько приемлемо для него нарушение формальных правил; 6) при каких условиях население согласно соблюдать официально провозглашенные нормы и правила. Здесь, в частности, надо отметить, что для нашей страны ситуация выглядит достаточно противоречиво. Так, Н.Е. Тихонова еще в начале 2010-х гг. отмечала, что «<...> в нашем обществе растет запрос на “закон” (“писаное право”) как на новый социальный регулятор, заменяющий в качестве такового “традицию” (“обычай”, отражающий зависимость от места сторон спора в статусной иерархии)». В целом россияне пока «<...> остаются в массе своей сторонниками “консенсусной” модели законопослушания, предполагающей, во-первых, что нормы закона обязательны для всех и только в этом случае они готовы их соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимацию, то есть соответствуют их представлениям о социальной справедливости» [Тихонова 2011, с. 8].

Графически предложенную картину можно представить следующим образом, хотя в данном случае для упрощения я ограничиваюсь четырьмя векторами, но вообще число их должно быть гораздо больше. Если в обществе и ценности, и институты ориентированы в одном направлении, скажем, порядка ограниченного доступа (в другой терминологии – системы «власть-собственность»), то все векторы расположатся в соответствующем квадранте, а равнодействующий всех векторов займет устойчивое место (*рисунок 1*).

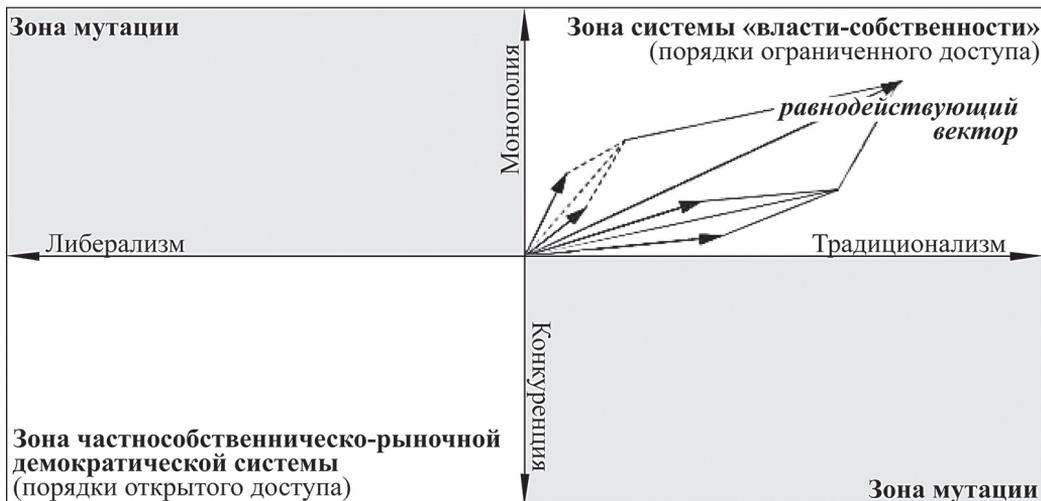

Рисунок 1. Высокая устойчивость порядков ограниченного доступа

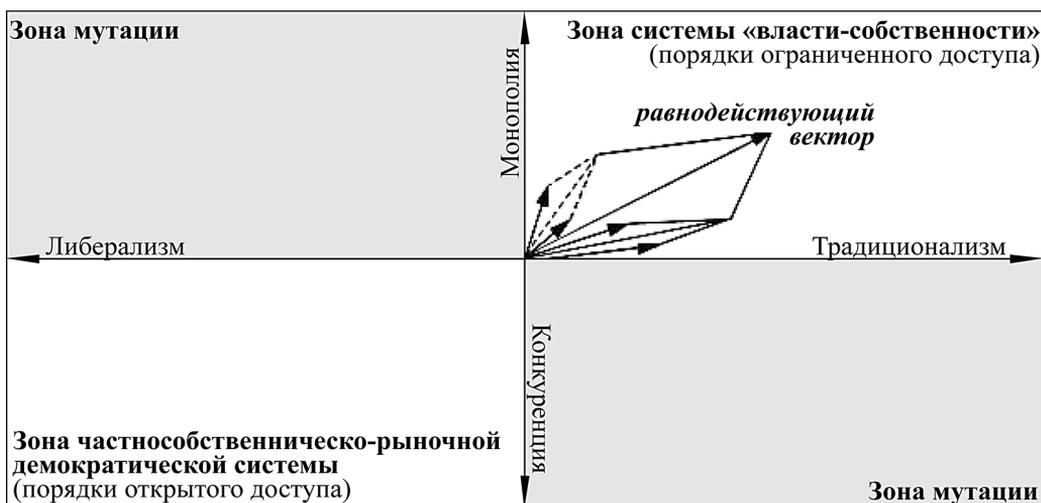

Рисунок 2. Уменьшение устойчивости системы порядков открытого доступа

В то же время нельзя не учитывать, что в процессе развития общества, совершенствования его технологической базы неизбежно происходят и изменения социальной сферы: у части людей начинают меняться ценностные представления, равно как и новые условия требуют внесения корректировок в институциональную систему. Этот медленный процесс выражается, в частности, в том, что в структуре компонентов каждого вектора усиливается альтернативный компонент, а это сказывается на величине вектора – он сокращается (рисунок 2). Данный процесс

размывания порядков ограниченного доступа на примере ряда стран исследовала группа под руководством А.А. Яковлева [Яковлев 2020]. Предложенная же модель представления общества в тот или иной момент времени при сопоставлении величин и направления векторов в разные периоды может дать наглядную картину развития ценностных и институциональных компонентов жизни общества, его продвижения по модернизационному пути или, напротив, регресса.

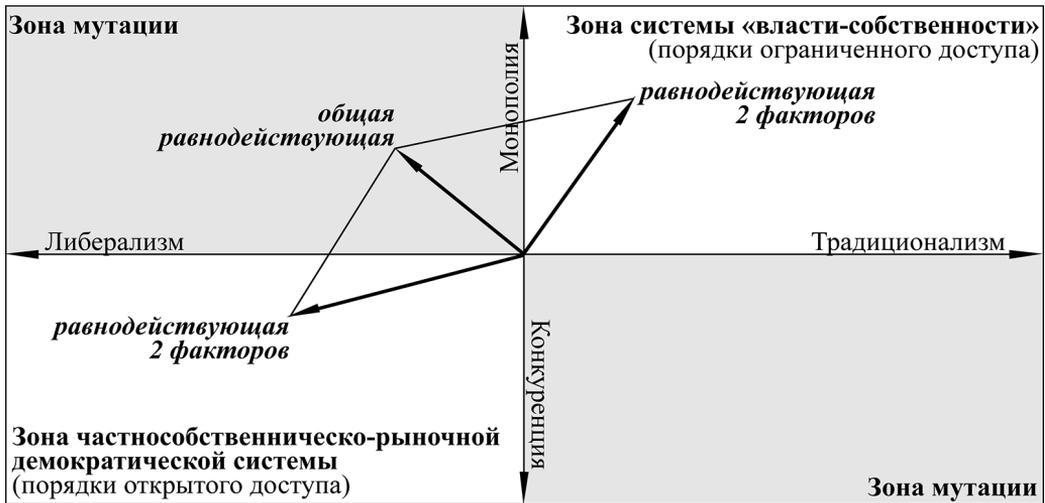

Рисунок 3. Ситуация напряженности, вызванная разнонаправленностью различных векторов системы

В пределе этот процесс может привести к тому, что величина каждого из результирующих векторов сначала сократится до нуля, а потом те или иные векторы начнут изменять свое направление в противоположную сторону – к порядкам открытого доступа. Предполагается, это самый безболезненный для общества вариант модернизации. В то же время возможна ситуация, когда часть векторов (и соответствующих ценностей и институтов) устойчиво сохраняет прежние позиции и даже величину, а другая меняет свое направление на противоположное. Тогда равнодействующая всех векторов оказывается в зоне мутации (рисунок 3). Положение равнодействующего вектора можно признать свидетельством того, что общество вступило в период внутреннего конфликта и ценностей, и институтов (как старых, так и вновь образованных в соответствии с принципами порядков открытого доступа). Сам факт перехода равнодействующего вектора в зону мутации – свидетельство борьбы старых и новых принципов. Причем исход борьбы остается неопределенным, т. к. под воздействием различных антимодернизационных сил величины векторов, сменивших направление, могут резко сократиться или даже вновь изменят свое направление на прежнее. Тогда общий равнодействующий вектор вернется из зоны мутации, символизирующей внутренние институциональные и ценностные конфликты модернизационного процесса, в зону порядков

ограниченного доступа. Возможен и другой сценарий – укрепления векторов, направленных в зону порядков открытого доступа, присоединения к ним новых векторов. Это приведет сначала к движению равнодействующего вектора по направлению к зоне порядков открытого доступа и, наконец, к переходу в нее из зоны мутации.

Рисунок 3 свидетельствует, что в обществе складывается ситуация раскола, при которой одна значительная его часть ориентирована на ценности модернизации, а другая часть, не менее значимая, стремится удержаться в рамках традиционного уклада. Причем в каждом конкретном случае выход из такого состояния зависит от многих привходящих факторов и прежде всего от политики элит. В данном случае особо актуально выделенное Д. Нортон с коллегами положение о пороговых условиях перехода к порядкам открытого доступа для элит. В то же время можно фиксировать и проблему важности достижения своих «пороговых условий» для масс (см. [Плискевич 2013]). Хотя и тут роль элит представляется ведущей, ибо они могут способствовать изменению ценностных предпочтений масс, давая им соответствующие примеры поведения, равно как элиты могут конструировать легальные институты, соответствующие модернизационному движению. В то же время не подготовленное к преобразованиям большинство населения способно блокировать такие попытки модернизации. Естественно, в этой ситуации неизбежны и торможение процессов, и даже отступление с достигнутых рубежей, но в целом при соблюдении пороговых условий и для элит, и для масс есть шанс преодолеть зону мутации и выйти в зону порядков открытого доступа.

Однако вполне реальна и другая ситуация, когда в элите берут верх «промежуточные выгодоприобретатели». Нередко она возникает в связи с задержкой реформ на предыдущем этапе, вызвавшей резкую, даже революционную смену элит. Тогда первоначальный модернизационный импульс начинает тормозиться новыми элитами, пытающимися закрепить выгоды своего настоящего положения. Для этого наиболее удобными оказываются старые порядки ограниченного доступа, и новые элиты стремятся их укрепить, даже используя как бы новые, но внутренне переорожденные институты, заимствованные из практики модернизируемых обществ. Общество же оказывается разочарованным в реформах и соглашается на возвращение к старым порядкам.

Нельзя также не учитывать ситуацию, при которой население, крайне недовольное своим положением, выплескивает свое недовольство отсутствием модернизационных реформ, опирающееся не на смену хотя бы части ценностных ориентаций, а исключительно на социально-экономические обстоятельства, на представления о причинах этого, на факт роста неравенства в обществе и осознание несправедливости такой ситуации. Образуется особый вектор, свидетельствующий о социальном неравенстве и недовольстве своим экономическим положением большинства. Он отражает важные процессы в восприятии населением действительности, но, по сути, не вписывается в общую картину совокупности векторов. Однако если в какой-то момент большинство начинает связывать несправедливость своего положения с совокупностью элементов порядков ограниченного доступа и видит для себя выход к переходу к другой системе – порядкам открытого доступа, то фиксирующий это вектор «выплескивается» в зону мутации (*рисунок 4*). Такая ситуация ставит в неустойчивое положение всю систему, но модернизаторам на такую конструкцию опираться опасно. Вызванные ею стремления к переменам в начале реформ и связанным с ним еще большим ухудшением

положения большинства быстро сменяются на противоположные, а как результат «реформаторские» настроения замещаются «антиреформаторскими». Подобная ситуация складывается тогда, когда новые ценности, носители которых сконцентрированы в активных слоях населения и части элит, еще очень слабы, по этой причине не удастся сформировать активное меньшинство, способное противостоять нарастающему недовольству реформами основной массы населения. По сути, это означает, что ни массы, ни элиты не достигли тех «пороговых условий», которые необходимы для успеха перехода к новой системе и важных для начала мутации одних порядков в другие. Как раз такая ситуация сложилась в России на рубеже 1980–1990-х гг.

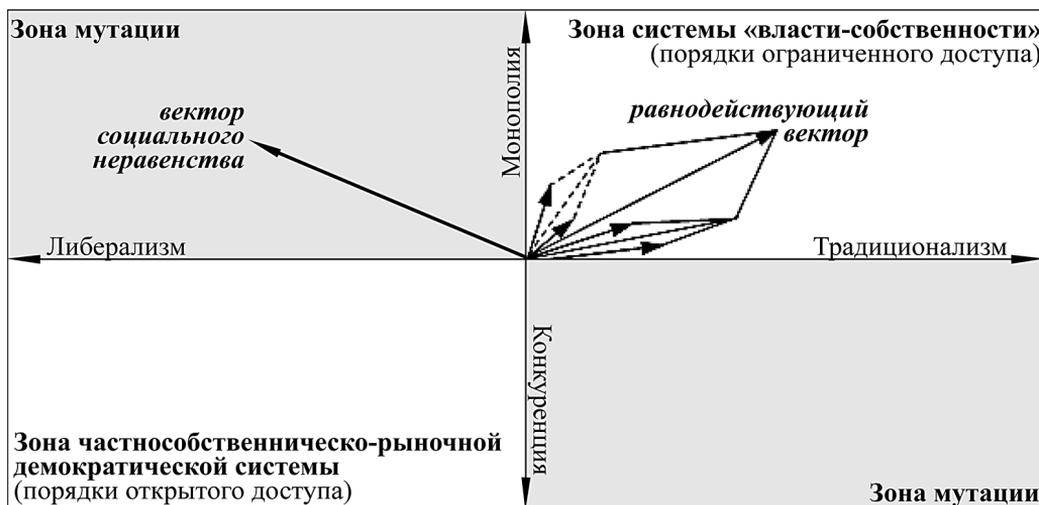

Рисунок 4. Выход в зону мутации вектора социального неравенства, не подкрепленный переходом в эту зону других векторов

В то же время в обществе неожиданно может возникать массовое стремление к переменам. Такое свойство российского массового сознания А. Ахиезер связывает с категорией «инверсия», т. е. «элементарной логикой клеточного мышления смыслообразования, деятельности, социальных изменений, логическое движение от абстрактного к абстрактному того же уровня, движения в рамках исторически сложившейся альтернативы» [Ахиезер 1998, с. 195]. Происходит «инверсионный переход от одного полюса к противоположному, т. е. оборачивание явления одним полюсом, чтобы потом обратиться другим». Этот переход «носит быстрый, логически моментальный характер. Человек с господствующей инверсионной логикой психологически не выносит трудностей перехода. Их надо моментально проскочить как зону повышенной радиации. Оборачивание – результат эмоционального возбуждения субъекта. Оно – реакция на дискомфортное состояние, возникающее в результате кризиса сложившегося отождествления того или иного явления» [Ахиезер 1998, с. 196].

Думается, данное определение инверсионного состояния массового сознания можно дополнить, добавив в ситуацию (как возникшую в ходе революционных преобразований и начала, и конца XX в. и, не исключено, способную повториться вновь) один важный момент, проиллюстрированный на *рисунке 4*. На нем видно, что вектор социального неравенства, массового недовольства сложившейся ситуацией резко отклонился от квадранта порядков ограниченного доступа и вошел в зону мутации (возможно и более резкое его отклонение). Однако, не будучи подкрепленным господствующими в обществе ценностями и институтами, этот всплеск социального недовольства быстро меняет свое направление, возвращается в исходный квадрант порядков ограниченного доступа, что означает и смену объекта, на который обращено недовольство. В случае российских реформ 1990-х гг. таким объектом стали реформаторы, ибо проводимые реформы всегда неизбежны. Отсюда и характерное для нас до сих пор господствующее в массовом сознании воспоминание о реформах 1990-х гг. как о «лихих девяностых», об ошибках реформаторов при игнорировании того состояния, в котором страна подошла к реформам.

Вина за такую ситуацию лежит прежде всего на новых элитах – и искренних реформаторах, и примкнувших к ним управленцах из прежней номенклатуры, а также целого ряда «деловых людей», активизирующихся в условиях перехода к перехвату как природной, так и административной ренты. Нельзя не видеть, что в своей деятельности они пренебрегали не только тонкой работой по продвижению новых ценностей, прежде всего через СМИ, но и объяснением того, что новые принципы жизни, основанные на либеральных ценностях, отнюдь не противоречат принципам социального государства, что существует масса действенных способов претворения их в жизнь (см., напр., [Рубинштейн, Плискевич 2016]).

Нельзя также забывать и о том, что взявшиеся руководить такого рода преобразованиями сами должны давать обществу примеры высокой морали, а не использовать свое положение для личного обогащения. Последнее способствует не только развитию коррупции, но и моральному разложению значительной части общества. Не случайно А. Оболонский, посвятивший свою книгу проблемам, которые спровоцировали в реформируемом российском обществе падение морали не только элит, но и массовых слоев, пишет: «<...> Реформа **институтов власти – условие необходимое, но недостаточное**. Институты решают не все. Они – не более чем инструменты, действуют люди. И даже хорошие институты, оказавшись в распоряжении людей с разложившейся моралью, с деформированной шкалой моральных ценностей, либо бездействуют, либо действуют искаженно, избирательно, по “понятиям”, обслуживая удаленные от общественных нужд клановые, групповые и даже личные интересы, и тем самым становятся контрпродуктивными» [Оболонский 2016, с. 10]. То есть всплеск недовольства, вызванного сугубо экономическими причинами, не будучи подкрепленным серьезными ценностными мотивами, прежде всего этического свойства, обречен на скорое затухание. Более того, в соответствии с отмеченными выше инверсионными особенностями сознания, подогреваемыми к тому же «промежуточными выгодоприобретателями», приводит к достаточно длительному отторжению обществом любых реформ. Хотя именно последовательное их проведение дает шанс на развитие широкого спектра социальной поддержки нуждающихся в ней, причем на базе развивающейся модернизированной экономики.

В то же время тема важности этических принципов волнует сегодня и развитые страны, породив, в частности, такое направление, как моральная экономика: так, один из видных ее представителей, С. Боулз, подчеркивает, что в проводимой государством политике надо иметь в виду не только экономические стимулы, но и этические, и альтруистические мотивы. Важно их разумное сочетание: если «<...> стимулы подрывают социальные ценности, но и стимулы нужны, и социальные ценности нужны, тогда стоит использовать меньше стимулов и учитывать эффект вытеснения» [Боулз 2017, с. 26]. А Э. Коломбатто, анализируя провалы экономической политики XXI в., прямо указывает на важность ценностных предпочтений и моральных принципов в деле формулирования экономической политики: «Концепция моральности предполагает такой тест приемлемости тех или иных действий, которые заставят наблюдателя с самого начала сделать явными свои собственные базовые философские критерии. <...> Ценностные суждения принадлежат сфере философии или политической философии, ведь именно здесь, а не в рамках позитивной или нормативной экономической теории определяются их стандарты» [Коломбатто 2016, с. 367]. Подобные рассуждения дают один из ключей к осознанию причин возвратного движения российского общества от рубежей, достигнутых в 1990-х – начале 2000-х гг., к современному состоянию порядков ограниченного доступа и привычной для страны, хотя и переинституционализированной системе «власти-собственности».

Возможна ли контрмодернизация?

В то же время развитие моральной экономики в западной литературе, а также появление ярких работ, критикующих основы проводимой там политики, заставляют задуматься о возможности не только модернизации, но и контрмодернизации. В этих работах, посвященных в основном критике неолиберализма, нашла свое отражение особая обеспокоенность людей, прежде всего представителей среднего класса, нарастающей неопределенностью положения многих профессиональных групп в условиях быстро развивающегося нового этапа научно-технической революции и сопровождающих его социальных процессов. В результате ранее чувствовавшие уверенность в своем положении группы общества потеряли ее. Этот процесс уловил, в частности, Г. Стэндинг в своей книге о прекариате и обвинил господствующие неолиберальные экономические теории в неспособности найти выход из новых напряжений в обществе⁴.

Признавая и рост напряжения в западном обществе, выражающийся в резком возрастании популистских настроений, в кризисе сложившейся политической системы и тому подобных проявлениях (не случайно этой теме и, в частности, феномену Д. Трампа посвятил специальную главу Р. Инглхарт в книге о культурной эволюции), все же думается, что эти проблемы связаны прежде всего не с кризисом

⁴ Интересно, что именно к началу 2010-х гг. и книга о прекариате, и само понятие стали популярны как в западной, так и в отечественной литературе, хотя Г. Стэндинг писал только о проблемах западного общества. Наши ученые увидели в этой теории многое, родственное отечественным процессам. А Ж.Т. Тощенко даже написал книгу, прикладывающую теорию прекариата к отечественным реалиям [Тощенко 2018]. Однако само понятие появилось еще в 1990-е гг. в работе П. Бурдьё [Bourdieu 1998], но тогда, очевидно, тема не была еще столь актуальной.

либерализма, а с напряжениями, вытекающими из современного этапа развития качественно новой экономики – экономики знаний. Действительно, и политики, и научная мысль часто не успевают за быстро изменяющимися реалиями. Такие ситуации складывались и в прошлом (хотя развивались не с такой быстротой), но со временем они в большинстве случаев успешно разрешались, а общество успокаивалось и приспособлялось к новым реалиям.

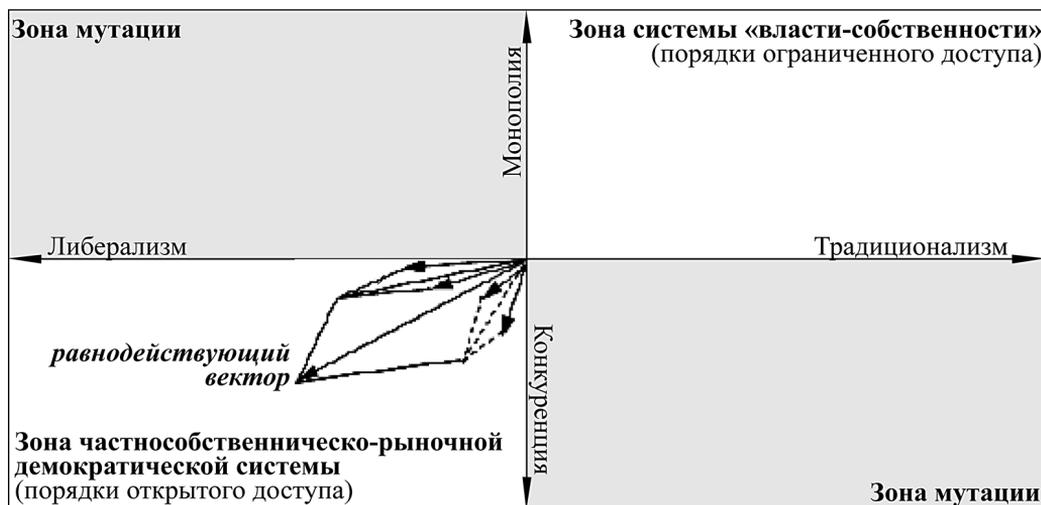

Рисунок 5. Высокая устойчивость порядков открытого доступа

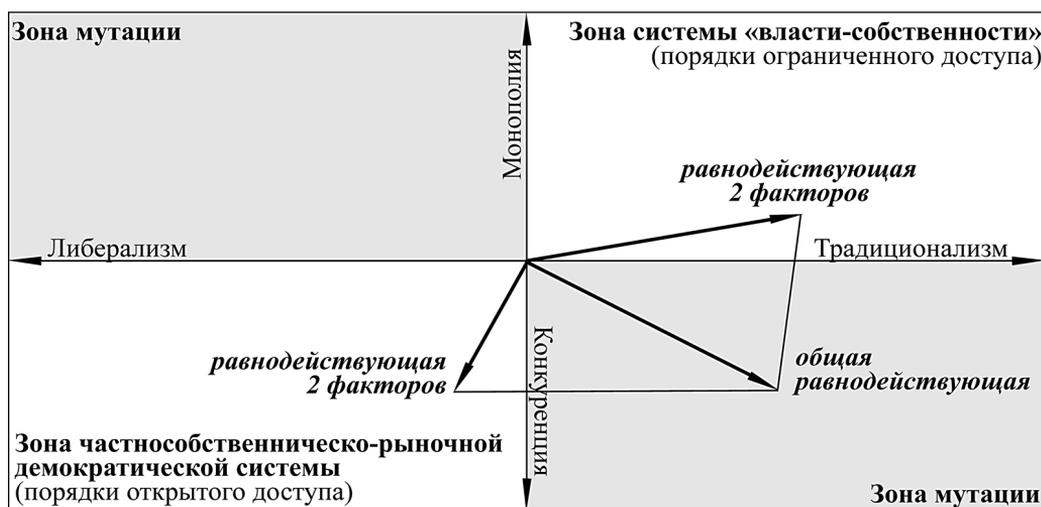

Рисунок 6. Переход общества с порядками открытого доступа в состояние неустойчивости

В то же время нельзя не признать, что сам период обострения напряжения, неудовлетворенность действиями традиционно сложившейся элиты, явный рост недовольства вполне могут вызвать резкую протестную вспышку, которая способна увеличить в массовом сознании (особенно в недостаточно образованных слоях общества) долю ценностных ориентаций, альтернативных основным. И такое смещение может оказаться чувствительным для всего общества. То есть графически это выглядит как переход из устойчивого состояния в состояние, ориентированное на мутацию общества с порядками открытого доступа (рисунки 5 и 6). На рисунке 5 все векторы расположены в квадранте порядков открытого доступа, и в такой конфигурации обществу гарантирована стабильность. Однако, как и в случае попытки модернизации, рассмотренной выше, при отклонении части векторов в сторону противоположной системы результирующий вектор оказывается в зоне мутации (рисунок 6).

Разумеется, в обществе с давними ценностными традициями и институтами, соответствующими порядкам открытого доступа, которых придерживается большая часть населения, есть силы, способные удержать систему от мутации. Поражение Д. Трампа на президентских выборах, а также провал всех его попыток оспорить их результаты свидетельствуют о силе противодействия такого рода тенденциям. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и факторы, вызывающие крайнюю тревогу общества и создающие представления о том, что для решения возникающих проблем нужны более жесткие средства. И открывающуюся возможность появления в кризисной ситуации гораздо более харизматичного лидера, увлекающего широкие массы идеями, не соответствующими принципам порядков открытого доступа. Это может произойти в ситуации либо сильного давления на страну извне, либо роста, например, националистических и даже террористических угроз со стороны пусть и немногочисленных, но крайне активных и агрессивных сторонников традиционалистских ценностей. В таком случае тяга общества к «сильному лидеру», обещающему восстановление спокойствия на основе принципов порядков ограниченного доступа, может стать реальностью.

Таким образом, предложенная схема оценки ситуации в конкретной стране, опирающаяся на анализ сочетания институциональных и ценностных элементов в каждый конкретный момент времени, а также анализ динамики процессов при сопоставлении ситуации в разные периоды на основе расположения многих векторов как отражающих состояние ценностной и институциональной системы и их равнодействующей (как реальной, так и отраженной в массовом сознании) помогают оценить картину состояния общества, степень его открытости модернизационным преобразованиям. Получение такой картины особенно важно, когда общество находится в переходном состоянии. Это может способствовать прохождению кризисных моментов без срывов и развитию модернизационных процессов, соответствующих требованиям экономики знаний, а также блокированию тревожных тенденций, обусловленных социальной напряженностью, вытекающей из трудностей переходного этапа, и недопущению антимодернизационных срывов.

Список источников

- Ахиезер А.С. (1998) Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. (2017) Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. Т. 26. № 4. С. 97–117. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-4-97-117
- Боулз С. (2017) Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. М.: Издательство Института Гайдара.
- Бусыгина И., Филиппов М. (2012) Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Вельцель К. (2017) Рождение свободы. М.: ВЦИОМ.
- Инглхарт Р. (2018) Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как изменяется мир. М.: Мысль.
- Клямкин И.М. (ред.) (2011) Куда ведет кризис культуры. Опыт междисциплинарных диалогов. М.: Новое издательство.
- Коломбатто Э. (2016) Рынки, мораль и экономическая политика. М.: Мысль.
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2010) Базовые ценности россиян в европейском контексте (окончание) // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–17.
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2021) За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Рогов К. (ред.) Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М.: Новое литературное обозрение. С. 325–353.
- Маевский В.И., Кирдина-Чэндлер С.Г., Дерябина М.А. (ред.) (2018) Мезоэкономика: состояние и перспективы. М.: ИЭ РАН.
- Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство института Гайдара.
- Оболонский А.В. (2016) Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль.
- Плискевич Н.М. (2013) Возможности трансформации в России и концепция Норта – Уоллиса – Вайнгаста. Статья 2. Пороговые условия перехода для общества // Общественные науки и современность. № 6. С. 45–60.
- Рубинштейн А.Я., Плискевич Н.М. (ред.) (2016) Социальный либерализм. СПб.: Алетейя.
- Тихонова Н.Е. (2011) Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–19.
- Тощенко Ж.Т. (2018) Прекариат. От протокласса к новому классу. М.: Наука.
- Яковлев А.А. (2020) Поиски институциональных решений через призму истории // Общественные науки и современность. № 2. С. 67–63. DOI: 10.31857/S086904990009192-3
- Bourdieu P. (1998) La précarité est aujourd'hui partout // Contre-feuse (ed. Bourdieu P.), Paris: Libre-Raison d'agir, pp. 96–102.
- Hellman J. (1998) Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics, vol. 50, no 2, pp. 203–234. DOI: 10.1017/S0043887100008091

Institutions, Values, and Human Potential in the Context of Contemporary Modernization

N.M. PLISKEVICH*

*Nataliya M. Pliskevich – Senior Researcher, Institute of Economics of RAS, Moscow, Russian Federation, znplis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0860-6229>

Citation: Pliskevich N.M. (2022) Institutions, Values, and Human Potential in the Context of Contemporary Modernization. *Mir Rossii*, vol. 31, no 3, pp. 33–53 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53

Abstract

We are witnessing the transition of humankind to a qualitatively new scientific and technological stage. This transition requires the emergence of a new complex type of person who must go beyond the “creative class” that can live and create only in non-hostile social environments. This raises the question of the need for a deeper modernization, organically including socio-cultural and humanitarian components. To address this issue, modernization scholars studying institutions and values must unite. The article proposes a possible comprehensive assessment of the degree of modernization in different countries based on a sufficiently large number of alternative options of how institutions and value preferences can be organized in principle. Examples include (but are not confined to) such alternative pairs as “legal system–custom based on the right of the strong”, “democracy–dictatorship”, “private property–state property”, “individualism–paternalism”, and “trust–distrust”. The evaluation results can be presented in the form of a vector; the magnitude and the direction of which can reveal the magnitude and the direction of the prevailing trends in society. The vectors themselves can be placed in a coordinate system, where the vertical reflects the state of the institutional structure, and the horizontal reflects the value structure. In such a coordinate system, four quadrants are formed, two of which correspond to two opposite states of society—orders of limited access (using another terminology, the power–property system) and orders of open access (private property–market democratic system). This opens the possibility to analyze transitions between the quadrants, corresponding to modernization and counter-modernization developments.

Keywords: *modernization, counter-modernization, values, institutions, human potential, orders of limited access, orders of open access, alternatives to institutional choice, alternatives to value choice, “power–property”*

References

- Akhiezer A.S. (1998) *Russia: A Critique of Historical Experience. T. II. Theory and Methodology. Dictionary*, Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).
- Balatskiy E.V., Pliskevich N.M. (2017) Economic Growth in the Context of Extractive Institutions: The Soviet Paradox and Modern Events. *Mir Rossii*, vol. 26, no 4, pp. 97–117 (in Russian). DOI: 10/17323/1811-038X-2017-4-97-117
- Bourdieu P. (1998) La précarité est aujourd’hui partou. *Contre-feuse* (ed. Bourdieu P.), Paris: Libre-Raison d’agir, pp. 96–102.

The article was received in March 2021.

- Bowles S. (2016) *The Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens*, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara (in Russian).
- Busygina I., Filippov M. (2012) *Political Modernization of the State in Russia: Necessity, Directions, Costs, Risks*, Moscow: Fond «Liberal'naya missiya» (in Russian).
- Colombatto E. (2016) *Markets, Morals, and Policy-Marking. A New Defence of Free-Market Economics*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Hellman J. (1998) Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition. *World Politics*, vol. 50, no 2, pp. 203–234. DOI: 10.1017/S0043887100008091
- Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution. How Human Motivations Change and How the World Changes*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Klyamkin I.M. (ed.) (2011) *Where Is the Cultural Crisis Leading. Experience of Interdisciplinary Dialogues*, Moscow: Novoye izdatel'stvo (in Russian).
- Magun V.S., Rudnev M.G. (2010) Basic Values of Russians in the European Context (end). *Social Sciences and Contemporary World*, no 4, pp. 5–17 (in Russian).
- Magun V.S., Rudnev M.G. (2021) Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology. *Dismantling Communism. Thirty Years Later* (ed. Rogov K.), Moscow: New Literary Review, pp. 325–353 (in Russian).
- Mayevsky V.I., Kirdina-Chandler S.G., Deryabina M.A. (eds.) (2018) *Mesoeconomics: Current State and Prospects*, Moscow: IE RAS (in Russian).
- North D. (2010) *Understanding the Process of Economic Change*, Moscow: HSE (in Russian).
- North D., Wallis D., Weingast B. (2011) *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpretation Recorded Human History*, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara (in Russian).
- Obolonskiy A.V. (2016) *Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Pliskevich N.M. (2013) Transformation Opportunities in Russia and North's Concept – Wallis – Weingast. Article 2. Threshold Conditions of Transition for Society. *Social Sciences and Contemporary World*, no 6, pp. 45–60 (in Russian).
- Rubinshtein A.Ya., Pliskevich N.M. (eds.) (2016) *Social Liberalism*, Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Tikhonova N.E. (2011) Dynamics of the Normative-value System of Russian Society (1995–2010). *Social Sciences and Contemporary World*, no 4, pp. 5–19 (in Russian).
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat. From Proletariat to New Class*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Welzel Ch. (2017) *The Birth of Freedom*, Moscow: VTSIOM (in Russian).
- Yakovlev A.A. (2020) The Search for Institutional Solutions through the Prism of History. *Social Sciences and Contemporary World*, no 2, pp. 67–63 (in Russian). DOI: 10.31857/S086904990009192-3